

Сказались, должно быть, и усталость от дневной дороги, и выпитое накануне вино: Сяо Цзыюй спал удивительно крепко, без сновидений и тревог.

Плотные портьеры почти не пропускали свет, лишь один узкий солнечный луч пробивался в комнату. Цзыюй спросонья взглянул на него и на мгновение усомнился в реальности — показалось, будто он снова проснулся в своих покоях династии Великое Лян.

Внезапный, дребезжащий звонок телефона бесцеремонно вырвал его из грёз. Отключив будильник, Цзыюй окончательно пришёл в себя: сегодня его первый полноценный съёмочный день.

Умывшись и приведя себя в порядок, он вышел из спальни.

Юань Хэна в номере уже не было. Цзыюй обошёл просторные апартаменты: две спальни, гостиная и глубокие эркерные окна, залитые светом. Отель «Вани» возвышался над окружающими постройками, словно одинокий исполин; с высоты тридцатого этажа панорама города казалась настолько необъятной, что немного кружилась голова.

Прозвучал дверной звонок. На пороге стоял официант с сервировочной тележкой.

— Господин Юань распорядился подать завтрак, — произнёс тот, катя поднос в комнату и одновременно доставая из нижней секции корзину. — Ваши вещи выстираны и высушены. Нижнее бельё абсолютно новое.

Цзыюй бегло осмотрел содержимое: там действительно лежали вчерашние одежды. Должно быть, Юань Хэн отдал их в чистку, пока сам Цзыюй спал.

— Спасибо... — проговорил он и помедлил. — А где господин Юань?

— У господина Юаня возникли неотложные дела. Если вам нужно на съёмочную площадку, вы можете заказать машину через стойку администратора в холле.

Пятизвёздочный отель с безупречным сервисом оправдывал свою репутацию: служащий не выказал ни малейшего любопытства к юноше, очутившемуся в номере покровителя. Исполнив поручение, он вежливо откланялся и испарился, не оставив и следа.

Цзыюй позавтракал, любуясь раскинувшимся за стеклом пейзажем, небрежно перевязал длинные волосы и к назначенному часу прибыл на съёмочную площадку.

Киностудия занимала огромную территорию, чётко разделённую на зоны. В соседнем павильоне вовсю снимали сянься-драму: кран уже поднял стрелу, и актёр на тросах плавно взмывал в воздух.

Переступив порог своей площадки, Цзыюй мгновенно уловил обращённые на него взгляды. В них читались любопытство и пытливость, хотя откровенной враждебности не ощущалось.

— А, Цзыюй пришёл! — Тан Линь вальяжно восседал за монитором. Бросив оператору: — Добавь ещё глубины резкости! — режиссёр поднялся и подошёл к юноше. — Слушай, Цзыюй, ты мне скажи: как ты вчера ухитрился выдать этот двойной прыжок?

Тан Линь, отдавший режиссуре больше половины жизни, обладал феноменальной памятью на лица и помнил каждого статиста. Он прекрасно знал, что Цзыюй нанят дублёром для роли лекаря-заклинателя, но никак не ожидал, что тот одним махом взлетит на ширму. От неожиданности режиссёр едва не протрезвел.

Будучи человеком прямодушным и ценившим настоящий талант, Тан Линь горел желанием расспросить юношу сразу на месте, да только Юань Хэн бесцеремонно увёл его за собой, заставив режиссёра всю ночь мучиться от нетерпения. Прежде, снимая документальные ленты по всей стране, Тан Линь встречал народных умельцев и мастеров боевых искусств, но такой прыти и естественной лёгкости не видал ещё никогда.

Оказавшись в центре внимания, Цзыюй быстро понял причину витавшего вокруг оживления и предпочёл уклончивый ответ:

— Прежде немного обучался.

— Прежде? — съязвил стоявший неподалёку Мэн Лэюй. — Когда это «прежде»? Когда семейство Мэн подобрало тебя, ты ведь... ничегошеньки не умел.

Он едва не ляпнул «был полным дураком», но в присутствии режиссёра всё же придержал язык. Мало того что этот проходимец вдруг прозрел, так ещё и умудрился оказаться в центре внимания, да вдобавок ушёл под крылом самого учителя Юаня. Сплошная удача!

Цзыюй спорить не стал, а лишь спокойно сочинил на ходу:

— В тот день, когда разум мой прояснился, навыки вернулись сами собой.

— Ну, скромничать не надо, Цзыюй! — хохотнул Тан Линь. — Сегодня как раз снимаем боевую сцену, так что на экране и увидим, каков ты в деле.

Мастерство владения телом само по себе ещё не гарантировало умения работать на камеру, а для кино ключевое значение имел именно зрительский эффект.

Цзыюй заранее ознакомился со сценарием «Сумерек в кленовом лесу» и в общих чертах представлял сюжет. Главный герой, Дэн Фэн, роль которого исполнял Лу Янь, происходил из бедной семьи. После того как всю его деревню вырезал владыка демонов Линь Бувэй, мальчик

чудом спасся, попал в праведный заклинательский орден и стал скромным слугой.

В трудах и тренировках Дэн Фэн сблизился с дочерью знатного рода, Линь Вань. Вопреки воле клана, девушка решила остаться с ним, помогла сформировать духовное ядро, и в итоге они сразили Линь Бувэя, вернув поднебесной долгожданный покой.

Замысел не блескал новизной — подобное чтиво бытовало ещё в эпоху династии Великое Лян. Хотя Линь Бувэй появлялся на экране нечасто и считался антагонистом, его образ не сводился к банальному злу, так что после премьеры персонаж наверняка вызовет немало споров.

Персонаж же, которого дублировал Цзыюй — лекарь Вэй Цяо, — рос вместе с главным героем. В день трагедии он вместе с наставником странствовал по свету. Вернувшись, юноша застал лишь пепелище. Ему не только не удалось разыскать друга детства, но он ещё и привлёк внимание Линь Бувэя, после чего с огромным трудом вырвался из когтей владыки демонов.

Когда все ключевые лица собрались, состоялась съёмка презентационных постеров. Работу разделили на два состава — «А» и «Б». Группа «А» во главе с Лу Янем снимала бегство обессилевшего Дэн Фэна после гибели его клана. Группе «Б» с Мэн Лэюем предстояло воплотить первую стычку Вэй Цяо и Линь Бувэя.

Поскольку Юань Хэн освобождался лишь во второй половине дня, на утро запланировали сцену побега Вэй Цяо, раненного владыкой демонов. От актёра требовался самый сложный каскад из трёх последовательных прыжков на тросах. Тан Линь планировал отложить этот эпизод, но, взглянув на Цзыюя, передумал.

— А ну-ка, живо отправляйте Цзыюя в гримёрку! — махнул рукой Тан Линь, командовав ассистентам. — Помощник, готовь хлопушку, пока есть время, снимем натурные кадры!

Съёмочная группа временно арендовала трёхэтажное здание на территории павильонов. Гримёр провела Цзыюя в комнату на первом этаже, доверху заставленную баночками, пузырьками и флаконами с искусственной кровью.

В эпоху династии Великое Лян женщины любили принарядиться, да и среди актёров театральных трупп хватало мужчин, румянивших щёки и подводивших губы. Но сам Цзыюй к косметике не прикасался, разве что крепил на лоб изящную подвеску для украшения.

— Разве дублёру нужен грим? — поинтересовался он, глядя на приготовленные кисти.

— Обязательно, — гримёрша лёгким касанием провела кистью по его щеке. — Иногда камера захватывает профиль или силуэт, нужно подогнать черты, чтобы зритель не заметил подвоха.

Иными словами, следовало придать ему сходство с Мэн Лэюем.

Подбородок Цзыюя отличался мягким, слегка заострённым изгибом, тогда как у Мэн Лэюя лицо обладало чёткими, даже смугловато-высокомерными линиями.

— Какая кожа! — с искренним восхищением прошептала девушка, нанося тон. — Даже пудра не требуется.

Заметив спокойный и кроткий нрав юноши, она не удержалась от вопроса:

— С такими данными — и в дублёры? Зачем?

Ремесло каскадёра и дублёра по сути оставалось невидимым трудом: все усилия доставались чужому имени. Когда проект выходил в прокат, лавры и награды забирали режиссёры и ведущие актёры, а дублёры оставались в тени.

Цзыюй, сознательно выбравший этот путь, отдавал себе отчёт:

— Любая работа нужна. Я ещё мало знаю о мире кино, так что для меня это отличная возможность научиться.

Девушка одобрительно кивнула и, закончив с тоном, внимательно взгляделась в его лицо:

— Честно говоря, ваша родная форма лица куда красивее, но без коррекции мы рискуем сорвать дубль.

— Благодарю.

Едва Цзыюй поднялся, его тут же направили в костюмерную.

Образ молодого лекаря требовал белоснежных, развевающихся одежд. Костюмеры постарались воссоздать старинный крой; пусть в нём и присутствовал элемент сценической условности, сама основа оказалась Цзыюю хорошо знакома.

Не дожидаясь помощи костюмеров, он привычным движением надел исподнее, расправил отвороты халата и умело обернул пояс вокруг талии. Вот только гибкий стан юноши был слишком тонок для широкого одеяния: перетянутое поясом платье подозрительно напоминало пышную женскую юбку.

— У господина Сяо талия чересчур тонкая, — заметила костюмерша. — Подол прямо-таки топорщится.

— Ничего ты не понимаешь, это называется «тонкая талия, стянутая шёлком», — пошутила её

коллега.

— Ну-ка, дайте взглянуть, — Тан Линь подозвал Цзыюя и Мэн Лэюя, сравнил их со всех сторон и недовольно покачал головой. — Нет-нет, разница слишком бросается в глаза. Надо подложить что-то в поясницу.

Мэн Лэюй обладал весьма гармоничным телосложением и перед съёмками даже месяц сидел на безуглеводной диете, так что выглядел вполне достойно. Но Цзыюй казался заметно изящнее и тонкостеннее; высокий ворот подчёркивал излишнюю свободу ткани. Не используя парик, юноша лишь слегка уложил пряди, позволив длинным волосам свободно спадать по плечам. В этом белоснежном наряде он выглядел до того органично, что у Тан Линя в голове пронеслось единственное слово: совершенство.

Режиссёр не мог взять в толк, откуда в этом юноше столько благородной сдержанности. Подобная осанка и невозмутимый взор никак не вязались с образом затравленного фальшивого наследника.

Требование уплотнить талию заставило костюмеров повозиться. Вскоре Цзыюю протянули две изогнутые мягкие накладки:

— Примерь вот это.

— Что это за вещицы? — Цзыюй озадаченно оглядел телесного цвета вкладыши, идеально повторявшие изгибы тела.

— Вкладыши для лифа, — ответила костюмерша.

Цзыюй, не подозревая подвоха, развязал пояс и засунул накладки внутрь. Но едва до него дошёл истинный смысл их назначения — что сии предметы предназначены для женской груди, — как щёки его вспыхнули густым румянцем, а движения стали неловкими.

— Да чего тут смущаться? — рассмеялась гримёрша. — Скажи спасибо, что у актрис нашёлся запас, а не то Тан Линь с нас бы шкуру спустил!

Тан Линь в жизни отличался добродушным нравом, но на площадке преображался в требовательного деспота. Убедившись, что силуэты обоих дублёров совпали, он скомандовал:

— Отлично. Теперь на тросы — опробуем прыжок!

— Цзыюй, ты ведь раньше летал на тросах? — уточняюще спросил режиссёр.

Вспомнив «воздушных акробатов», которых видел утром в соседнем павильоне, Цзыюй после

короткого колебания кивнул.

Импульсивный Тан Линь тем не менее вызвал постановщика трюков для инструктажа. Мэн Лэюй, слышавший эти наставления сотню раз, слушал вполуха, зато Цзыюй впитывал каждое слово. Он понял, что системы страховочных тросов поднимают человека в воздух, а при монтаже эти «нити» стирают, создавая иллюзию настоящего полёта.

Современное мастерство шагнуло далеко вперёд, но людей, готовых годами оттачивать истинное искусство, поубавилось. Зачем истязать тело, когда техника делает всё за тебя?

Сначала сняли несколько наземных планов с Мэн Лэюем. Тем временем ассистенты закрепили страховочную систему на Цзыюе. Жёсткие ремни немилосердно въедались в тело, хотя это было ничто по сравнению с прежними изнурительными тренировками.

Он пару раз подпрыгнул на месте: конструкция ощутимо сковывала движения, к ней ещё предстояло привыкнуть.

Тан Линь, наблюдая через монитор за тем, как белоснежные полы одежд вздымаются от лёгкого толчка, а юноша взлетает на полметра вверх, замахал руками:

— Эй-эй! Я же ещё не давал команду «начали»!

Работа с тросами требовала идеальной слаженности каскадёра и операторов натяжения, иначе травм не избежать. Техники ошарашенно переглянулись: они даже не начинали тянуть!

Тан Линь жестом велел начать заново. Помощник хлопнул нумератором. Цзыюй прислушался к отсчёту за спиной: раз, два, три...

На счёт «три» ему надлежало едва коснуться земли носком, после чего операторы должны были резко натянуть страховочные тросы и взмыть его в воздух. Грудной трос повлечёт его вперёд; коснувшись низкой крыши, следовало сделать второй толчок, затем третий — и так вылететь за пределы кадра.

Тан Линь работал с Цзыюем впервые и не знал его возможностей:

— Цзыюй, ты сначала освойся. Если не выйдет сразу, разобьём сцену на три отдельных дубля.

— Раз, два, три!

Едва отзвучал отсчёт, как Цзыюй взмыл ввысь. Операторы, удерживавшие канаты, даже не ощутили привычного веса на другом конце, хотя тросы выматывались с бешеной скоростью. На мгновение застыв от изумления, они инстинктивно подались назад, натягивая струны.

Если бы не страховка, этот парень, кажется, улетел бы в самые небеса!

В лучах полуденного солнца силуэт Цзыюя казался размытым и невесомым. Широкие рукава и развевающиеся полы создавали сказочный, исполненный поэзии образ, а с земли доносился лишь шорох рассекаемого ветром шёлка.

На соседних площадках люди невольно поднимали головы, принимая происходящее за работу опытного мастера, способного идеально взаимодействовать с системой натяжения. Кто-то даже разразился одобрительными возгласами.

Тан Линь застыл перед монитором. На его памяти подобные сложные элементы редко удавалось снять единым дублем. Изначально планировалось, что актёр будет делать паузы на крыше, а монтировать каскад будут на постпродакшене. Но Цзыюй преодолел всю дистанцию на одном дыхании!

— Снято! — выдохнул режиссёр, подпрыгивая в кресле.

Последним, кто демонстрировал столь виртуозное владение телом на его памяти, был Юань Хэн.

Вот только в движениях Цзыюя ощущалась не просто сила, а неземная, невесомая лёгкость.

— Мать твою! Да там настоящий небожитель! — выкрикнул Ло Ли, стажёр Чжэн Хуна. Парень учился на выпускном курсе и отличался непомерным аппетитом к жизни, убеждённый, что сходу начнёт зарабатывать миллионы.

Чжэн Хун взял его на площадку, дабы сбить спесь и показать, сколь неблагодарен труд актёрского агента.

Забрав Юань Хэна из офиса, они втроем прибыли в съёмочные павильоны как раз в тот момент, когда в небе мелькнул белоснежный силуэт.

Ло Ли хоть и выразился чересчур пылко, но увиденное действительно заставляло затаить дыхание. Обычно актёры на тросах выглядели словно мешки в механическом подъёмнике — топорно и грубо. Но этот двигался с гибкой, струящейся грацией, подобно летящему облаку.

Движения его казались настолько естественными, будто никакие тросы его не удерживали.

Чжэн Хун, повидавший немало артистов, знал: пределом мастерства считалась способность двигаться «подобно плывущему облаку». Но этот юноша демонстрировал плавность

«извивающегося дракона».

— А парень-то действительно хорош, — заметив выражение лица Юань Хэна, проговорил Чжэн Хун.

Юань Хэн лишь едва заметно кивнул, и в его взоре проскользнула едва уловимая гордость.

Ло Ли снова не удержался:

— Если честно...

Чжэн Хун тут же сжал ему губы пальцами:

— Вот и помолчи.

Ло Ли отскочил на пару шагов:

— Вы чего свободу слова ограничиваете? Если честно, по части работы на тросах он ничуть не уступает учителю Юаню!

«Ну и дурень», — мысленно высказался Чжэн Хун, забывший, кто оплачивает его счета.

Однако Юань Хэн неожиданно согласился:

— И впрямь не уступает.

Чжэн Хун лишь лишился дара речи.

Разговаривая, они приблизились к съёмочной площадке. Вдали виднелись две фигуры в идентичных белоснежных халатах, стоявшие бок о бок. Со стороны сориентироваться было практически невозможно.

— Это, должно быть, актёр и его дублёр? — ахнул Ло Ли. — Неудивительно, что зрители не замечают подвоха. Да я сам вживую их не различу!

— А то без тебя не видно, — Чжэн Хун наградил его строгим взглядом, намекая, что перед лицом режиссёра следует вести себя сдержаннее.

— И всё же разница есть, — Юань Хэн свысока оглядел обе фигуры и произнёс с абсолютной уверенностью: — Тот, что слева — Сяо Цзыюй.

<http://bllate.org/book/20597/2131018>